

УДК 001.32–057.95(062)(476)(091):655.11

Н. Ю. Берёзкина

*к.и.н., директор Центральной научной библиотеки
имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси*

ВКЛАД АКАДЕМИКОВ ПЕРВОГО СОСТАВА БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Рассматривается научная деятельность академиков первого состава Белорусской академии наук в области изучения истории и культуры Беларуси. Особое внимание уделяется работам по истории книгопечатания, авторами которых являются известные ученые: историки Владимир Пичета, Вацлав Ластовский, Василий Игнатовский, языковед Степан Некрашевич.

Ключевые слова: Белорусская академия наук, академики, научная деятельность, история Беларуси, история книгопечатания.

In the article the scientific activity of the first academicians of the Belarusian Academy of Sciences in the field of history and culture of Belarus is considered. Special attention is given to the works on book printing history, the authors of which are well-known scientists: historians Vladimir Picheta, Vatslav Lastovskiy, Vasiliy Ignatovskiy, linguist Stepan Nekrashevich.

Key words: Belarusian Academy of Sciences, academicians, scientific activity, history of Belarus, book printing history.

В октябре 1928 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «О реорганизации Института белорусской культуры в Белорусскую академию наук» [1]. Реорганизацию провели 1 января 1929 г. Первыми действительными членами (академиками) Белорусской академии наук стали известные представители науки, литературы и общественные деятели: В.Игнатовский, Я.Колас, Я.Купала, В.Ластовский, С.Некрашевич, В.Пичета, Г.Горецкий и др. В состав Белорусской академии наук также вошли представители Академии наук СССР и Академии наук УССР [2:14].

Одним из важных направлений деятельности академиков первого состава Белорусской академии наук было изучение истории и культуры Беларуси. Некоторые ученые в той или иной степени затрагивали в своих работах и проблемы книжной культуры, развития книгопечатания.

Основатель белорусской советской исторической науки **Владимир Иванович Пичета** родился 9 (21) октября 1878 г. в Полтаве. Его отец Йован Пичета, серб по национальности, окончил Киевскую духовную академию, был ректором сначала Витебской, а затем Полтавской духовных семинарий [3:137–138]. Мать ученого – Мария Григоренко – была дочерью служащего Киевской казенной палаты.

В 1897 г. В. Пичета окончил Полтавскую классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. «И хотя в дальнейшем непосредственным учителем Владимира Ивановича становится М. Любавский, самые сильные впечатления его от университета связаны с блестящей личностью В. Ключевского, который дал отличный отзыв о его дипломной (тогда называвшейся кандидатской) работе «Юрий Крижанич о Московском государстве». Владимир Иванович всегда любил вспоминать об этом, прибавляя: «Ключевский один, других историков много» [4:5].

В 1901 г. В. Пичета окончил Московский университет с дипломом первой степени. После окончания университета и до 1922 г. он преподавал русский язык и литературу в сред-

них учебных заведениях Москвы, Екатеринослава, Киевской губернии. В 1910 г. В. Пичета был утвержден в звании приват-доцента Московского университета. В феврале 1918 г. он защитил диссертацию на степень магистра русской истории по первому тому монографии «Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве». В марте этого же года ему была присвоена степень доктора русской истории за второй том монографии.

С именем В. Пичеты связано создание Белорусского государственного университета. По предложению правительства БССР он возглавил Московскую комиссию по организации университета в Минске, а в июле 1921 г. Наркомпрос БССР назначил В. Пичету ректором Белорусского университета.

Именно в Беларуси В. Пичета сложился как один из крупнейших организаторов исторической науки. Оставаясь прежде всего исследователем социально-экономической истории Белоруссии XVI – начала XVIII в., он в эти годы много внимания уделял и истории белорусской культуры. Особенно его интересовала проблема «белорусского возрождения» XVI в.

Правительство БССР высоко оценило научную, педагогическую и общественную деятельность В. Пичеты. 30 октября 1926 г. в связи с 25-летием научной и педагогической деятельности ему было присвоено почетное звание заслуженного профессора БССР.

В. Пичета был одним из инициаторов создания Академии наук БССР. Выступая на VIII Всебелорусском съезде Советов 11 апреля 1927 г., Владимир Иванович отметил, что в Беларуси есть много выдающихся ученых, которые смогли бы отдавать свои силы развитию науки. Поэтому необходимо подумать над созданием Белорусской академии наук [5]. В 1928 г. В. Пичета стал действительным членом Академии наук.

В октябре 1929 г. В. Пичету не избрали ректором университета, за ним сохранили только должность профессора. Через год он был арестован и оказался под следствием вместе с другими представителями науки и образования, которым было предъявлено обвинение в деятельности с целью осуществления планов интервенции против СССР. 6 декабря 1930 г. он был лишен звания академика. В августе 1931 г. ученый был выслан в Вятку. Благодаря вмешательству министра иностранных дел Чехословакии Э.Бенеша в 1934 г., В. Пичета был отозван из ссылки. Его перевели в Воронеж, где он работал профессором Воронежского педагогического института, читал курс истории СССР. В 1935 г. дело В. Пичеты было пересмотрено, и он был досрочно освобожден. В 1940 г. постановлением Совнаркома БССР В. Пичета был восстановлен в звании академика АН БССР.

Возвратившись в Москву, В. Пичета работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, профессором Московского педагогического института им. В.И. Ленина. В 1939 г. по его инициативе в Институте истории АН СССР был создан сектор славяноведения и кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ, которые возглавил В. Пичета. В том же году он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1946 г. – академиком АН СССР.

В.И.Пичета – автор более 500 работ, около 150 из них посвящены истории Беларуси.

В 1926 г. Институт белорусской культуры по инициативе В. Пичеты выпустил юбилейный сборник, посвященный 400-летию появления печатной книги в Беларуси. В. Пичета был председателем редакционной комиссии и автором ряда статей, которые вошли в сборник: «Полацкая зямля ў пачатку XVI стагоддзя», «Беларускае Адраджэньне ў XVI стагоддзі», «Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях», «Scoriniana».

«Scoriniana» представляет собой обстоятельный обзор всех работ, опубликованных с 70-х гг. XVIII в. до середины 20-х гг. XX в., в которых рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью белорусского первопечатника Франциска Скорины. В работе анализируются монографии и статьи российских, белорусских, украинских, польских и чешских авторов.

В обзоре «Scoriniana» автор выделяет два этапа в изучении деятельности Скорины. Первый период охватывает работы, опубликованные до конца 80-х гг. XIX в. Как пишет В. Пичета, «первый период в изучении скорининского вопроса был связан с находкой в библиотеках

и книжных собраниях скорининских изданий. Это вынуждало исследователей в своих работах касаться деятельности Скорины как печатника и переводчика, а в связи с этим также затрагивать и другие вопросы, опосредованно связанные с переводческой деятельностью Скорины» [6:285]. По мнению В. Пичеты, «интерес к Ф. Скорине появился только с середины 70-х годов XVIII в. благодаря тому, что библиотекарь Академии наук Бакмейстер нашел в библиотеке Академии несколько скорининских изданий» [6:285]. Описывались в литературе издания Скорины, обнаруженные в библиотеке бывшего Министерства иностранных дел, библиотеке монастыря Святого Онуфрия во Львове, других библиотеках и книжных собраниях. Особое место отводит В. Пичета работе И. Каратаева, «который дал новое и точное описание всех скорининских изданий» [6:287]. Это описание «значительно дополнило и расширило известные ранее описания Сопикова и Сахарова» [6:287].

В числе проблем, обсуждаемых исследователями, были не только вопросы о месте и времени издания книг Ф. Скорины, но и о личности самого первопечатника. Некоторые исследователи «не добавили ничего нового к жизнеописанию Ф. Скорины и ограничивались только повторением того, что было высказано ранее» [6:287]. Другие авторы, «которые стремились проникнуть в тайну скорининской жизни и деятельности, часто высказывали фантастические мысли, не имея никаких оснований и руководствуясь исключительно субъективными суждениями» [6:286].

Серьезные разногласия исследователей вызвал вопрос о вероисповедании Ф. Скорины, так как оценка характера и целей деятельности просветителя давалась в зависимости от того, к православным, протестантам или католикам его относили. Попытки некоторых авторов (И. Добровольский, О. Новицкий, С. Линде и др.) представить Ф. Скорину католиком В. Пичета считал необоснованными: «мысль о католическом исповедании Скорины была пущена в ход не столько по причине объективных данных, которые были у исследователей, сколько по мнениям частично субъективным, частично политическим» [6:292]. Не соглашался Пичета и с отнесением Ф. Скорины к протестантскому вероисповеданию: «Надо отбросить фантастические суждения Головацкого о принадлежности Скорины к протестантству» [6:292], «Чистович также бездоказательно принимает мысль Головацкого о протестантском исповедании Скорины» [6:293]. Приводит В. Пичета и высказывания тех авторов, которые считали Ф. Скорину православным, например, А. Викторова: «этот выдающийся деятель в области старорусской литературы принадлежал к православной церкви, по крайней мере, в своей издательской деятельности он заботился не о расширении католичества или лютеранства среди своих земляков, а об усилении среди них православия» [6:293].

Вопрос об источниках переводов Ф. Скорины, по мнению В. Пичеты, является «кардинальным вопросом в деле изучения его деятельности» [6:294]. В научной литературе были высказаны две противоположные мысли об источниках перевода Ф. Скорины. Сторонники первой точки зрения считали источником перевода латинскую Библию-Вульгату. Другие признавали, что Ф. Скорина использовал для перевода чешскую Библию, например, Я. Головацкий нашел в Библии Ф. Скорины «много чехизмов, которых, понятно, не могло бы быть, если бы Скорина не пользовался чешской Библией» [6:295]. Обе точки зрения были «высказаны в самой общей форме и требовали нового пересмотра и доводов» [6:295].

Весьма спорным считал В. Пичета вопрос о языке скорининских изданий. Он считал необоснованными попытки некоторых авторов считать язык книг Ф. Скорины польским или «литовско-русским», ибо «все авторы, которые стремились дать языку Ф. Скорины то или иное определение, мало углублялись в особенности его языка» [6:296]. Только профессор московского университета Ф. Буслаев «первый научно отнесся к белорусскому языку» [6:296], увидев в языке перевода библейских книг пример белорусской речи начала XVI столетия. Как утверждает В. Пичета, «в середине 80-х годов XIX столетия за языком Скорины твердо закрепилось название языка белорусский» [6:297].

Второй этап обзора публикаций о Ф. Скорине В. Пичета начинает с монографического

исследования профессора П. Владимиров «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык», которое он считал «исходным пунктом для всех тех исследователей, которые позже в своих научных занятиях обращались к Скорине» [6:298]. Излагая взгляды разных авторов, П. Владимиров давал оценку их достоверности и аргументированности, причем пытался связать жизнь и деятельность Ф. Скорины с общими культурными условиями того времени. Такой подход исследователя получил положительную оценку в работе В. Пичеты.

«Богатое материалами и очень ценное выводами исследование П. Владимиров обратило на себя внимание в специальной научной литературе» [6:304], вызвало отклики таких авторов, как А. Соболевский, М. Довнар-Запольский, А. Пыпин, работы которых В. Пичета анализирует в третьем разделе обзора. Ученый также обращает особое внимание на исследования И. Шляпкина, обнаружившего новые документы в архиве Падуанского университета о получении Ф. Скориной степени «в лекарских науках доктора» [6:313], и А. Миловидова, опубликовавшего новые документы, касающиеся нахождения Ф. Скорины в Кенигсберге в 1530 году [6:313–314].

В заключительной части работы «Scoriniana» В. Пичета рассматривает труды по истории и культуре Беларуси общего характера, в которых определенное место отводится деятельности Ф. Скорины. Это работы академика Е. Карского, В. Игнатовского, М. Горецкого, Н. Янчука. Высоко оценил В. Пичета работу Е. Карского «Доктор Франциск Скорина»: «Работа Карского очень интересная и является обобщением всего материала, который мы до этого имеем. Карский высоко ставит деятельность Скорины и считает, что все его издания есть выдающееся во многих отношениях явление «западно-русской» культуры» [6:315]. Обзор работ, посвященных Ф. Скорине, завершается характеристикой трудов, подготовленных к 400-летию белорусского книгопечатания и 350-летию книгопечатания в Украине.

В статье «Беларускае Адраджэнне ў XVI стагоддзі» В. Пичета обращается к истории славянского книгопечатания, отмечая при этом первостепенную роль Ф. Скорины в национально-культурном возрождении Беларуси. Как считал автор, Ф. Скорина оказал огромное влияние на развитие других славянских типографий. Его издательская деятельность была подхвачена Симоном Будным, «блестящим представителем белорусского гуманизма второй половины XVI столетия, выдающимся представителем национально-культурной традиции Скорины» [7:141]. Продолжателями культурно-просветительской деятельности Ф. Скорины В. Пичета считает Василя Тяпинского и Мамоничей.

Статья «Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях» посвящена анализу деятельности славянских типографий в XVI и XVII вв.: Пражской и Виленской типографий Ф. Скорины, Несвижской типографии Симона Будного, типографии Василя Тяпинского, Заблудовской типографии, типографии Мамоничей в Вильно, типографий виленских православных братств, Могилевской, Кутейнской, Супрасльской типографий [8].

Исследованию деятельности Франциска Скорины, Симона Будного, Василя Тяпинского, Григория Ходкевича, Ивана Фёдорова, Петра Мстиславца, их роли в развитии белорусской культуры посвящена работа В. Пичеты «Культура Белоруссии в XVI в.», впервые опубликованная уже после смерти ученого [9: 633–714].

В конце жизни В. Пичета вновь обращается к проблемам книгопечатания при подготовке очерка, посвященного Ивану Фёдорову, для книги «Люди русской науки» (М.; Л., 1948).

Сложный жизненный путь В. Пичеты отразился и на судьбе его личной библиотеки, которая не сохранилась полностью. В Национальной библиотеке Беларуси выявлено и хранится около 70 единиц из книжного собрания ученого. Тематически сохранившаяся коллекция книг отражает его широкие научные интересы и включает издания по истории, археологии, этнографии и фольклору, литературоведению, лингвистике; среди авторов – М. Довнар-Запольский, В. Игнатовский, А. Сапунов, А. Шлюбский, И. Сербов, Е. Карский и другие [10:117].

Белорусский историк, писатель, государственный деятель **Вацлав Юстинович Ластов-**

ский родился 27 октября (8 ноября) 1883 г. на хуторе Колесниково Дисненского уезда (сейчас Глубокский район Витебской области), окончил народную школу в местечке Погост в Дисненском уезде. «Будучи от природы очень способным, юноша самообразованием приобрел немалые знания, находясь в 1904–1905 гг. в Петербурге, где устроился библиотекарем и слушал, как он сам позже писал, «зайцем» лекции в университете» [11:232–233].

В. Ластовский активно занимался национально-культурной деятельностью. С марта 1909 до 1914 г. он работал в Вильно секретарем редакции газеты «Наша ніва», одновременно заведовал первым белорусским книжным магазином; редактировал журналы «Саха» (1911–1912), «Гоман» (1916–1917), «Беларускі сыцяг» (1921), «Крывіч» (1922–1927). С 1910 г. «Наша ніва» начала публиковать отдельными статьями «Кароткую гісторыю Беларусі», которая затем вышла отдельным изданием в знаменитой типографии Мартина Кухты. В. Ластовский стал автором первой книги по истории Беларуси, написанной на родном языке.

В 1919–1923 гг. В. Ластовский возглавлял Раду министров Белорусской Народной Республики, в 1920–1926 гг. находился в эмиграции в Ковно (Каунас), где занимался в основном научной, литературной и издательской деятельностью. В Ковно он издал «Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік» (включает около 17 тысяч словарных статей), капитальный труд «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя», другие белорусские книги.

В 1926 г. В. Ластовский вместе с другими деятелями белорусской научной и политической эмиграции был приглашен в Минск на Академическую конференцию по вопросам языка. Он увидел, как развивается белорусская национальная культура, как возрождается экономика республики. Огромное впечатление на него оказала разнообразная белорусская пресса, создание широкой сети учебных заведений с преподаванием на белорусском языке, работа белорусских издательств и Института белорусской культуры [11:240–241].

В 1927 г. В. Ластовский вернулся на родину, получил гражданство БССР, работал директором Белорусского государственного музея, затем ученым секретарем Института белорусской культуры [12:53].

После преобразования Инбелкульты в Академию наук в 1928 г. В. Ластовский был избран действительным членом Белорусской академии наук, «назначен непременным секретарем академии и занял должность заведующего кафедрой этнографии» [12:54].

Главной для В. Ластовского была научная работа и, прежде всего, участие в работе Комиссии по созданию словаря живого белорусского языка, редактировании этнографических сборников, в этнографических экспедициях. Во время одной из таких экспедиций в Сибирь для изучения быта земляков-белорусов В. Ластовский вместе с вице-президентом Белорусской академии наук С. Некрашевичем 21 июля 1930 г. был арестован и заключен в минскую тюрьму по обвинению в участии в «Союзе освобождения Беларуси» в качестве одного из его организаторов. 6 декабря 1930 г. В. Ластовский был лишен звания академика. Постановлением коллегии ОГПУ СССР от 10 апреля 1931 г. сослан на 5 лет в Саратов, где работал заведующим отделом редких книг и рукописей библиотеки Саратовского университета. 20 августа 1937 г. В. Ластовский был снова арестован, как «агент польской разведки и участник национал-фашистской организации» приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Расстрелян в Саратове 23 января 1938 г. Реабилитирован по обоим приговорам [12:56].

Важное место в творчестве В. Ластовского занимало изучение проблем истории книжной культуры Беларуси. В 1924 г. ученый опубликовал в журнале «Крывіч» статью о Франциске Скорине, в которой, высоко оценивая его издательскую и просветительскую деятельность, написал о «великом значении национальной деятельности Скорины» [13: 3]. Исследователь видел в Ф. Скорине «значительную личность нашей истории», «первого человека с ученой степенью доктора на востоке, гуманиста», «эпохиального православного мужа» [13:3], «культурнейшего человека своего времени, который ничем не уступал современным западноевро-

пейским деятелям ни умом, ни энергией, ни своими широкими помыслами» [13:10].

В 1926 г. В. Ластовский опубликовал книгу «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя». Это была книга большого формата, большого объема (776 страниц), на хорошей плотной бумаге, богато иллюстрированная (включает образцы письма и печати, портреты, гравюры). Фундаментальный труд В. Ластовского был первой попыткой выявить литературные памятники белорусского народа, «размежевать», с одной стороны, их с российскими литературными памятниками, а с другой, – с украинскими.

В монографии «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі» в хронологическом порядке (разделы книги сформированы по столетиям) рассматриваются белорусские книги и рукописи, которые издавались на белорусском языке или на территории Беларуси.

Вспомогательный аппарат книги включает: «Слоўнік помнікаў старакрыўскай (беларускай) пісьменнасьці паводле прыведзеных у тэксце выпісак», в котором даются объяснения слов, встречающихся в комментариях автора; «Выказ імен і рэчаў», «Выказ старакрыўскай (беларускай) пісьменнасьці паводле зместу» (включает разделы «Святое пісьмо», «Религиозно-полемиическая пісьменнасьць», «Календары», «Юридическая пісьменнасьць», «Школьныя учебныкі» и др.), «Выказ аўтараў, творы каторых або мысьлі выкарыстаны пры апрацаваньні гэтай кнігі».

Как писал в предисловии сам автор, цель книги – показать, что письменность белорусского (или как его называет В. Ластовский, кривского) народа «по своей давности достигает X столетия, а по богатству памятников занимает первое место на восточной славянщине» [14:VI] и потому в обязательном порядке должна быть введена в курс каждой кафедры славяноведения, особенно в курс каждой кафедры восточнославянского языкознания и письменности.

Книга В. Ластовского богата по содержанию. Она включает обзор более тысячи важнейших рукописных книг, грамот, старопечатных книг с начала зарождения белорусского письма (X в.) до XIX в. При рассмотрении каждой книги дается небольшое описание ее внешнего вида, а иногда и содержания. Для характеристики памятника письменности автор часто приводит выдержки из текста с целью «не только иллюстрации языка, но и в надежде, что таким способом удастся обратить внимание читающего общества на необходимость ввести в курс наших средних школ преподавание старокривской письменности и грамматики, чтобы связать современную письменность со старыми традициями» [14:VIII]. Однако, как отмечал в рецензии на книгу С. Некрашевич, таких выдержек автор приводит сравнительно мало. «Правда, из некоторых памятников выписки бывают достаточно значительные, доходя иной раз до перепечатывания памятника... Благодаря им, работа В.Ластовского напоминает историческую хрестоматию белорусской письменности» [15:168–169]. Кроме того, как указывает рецензент, автор приводит выписки «не текстуально, а переводя на современный литературный язык... Такие переводы значительно портят книгу, лишая ее научности» [15:169].

С. Некрашевич упрекает автора и в том, что из-за «рассуждений обще-исторического характера» и излишнего внимания к «развитию просвещения в Беларуси», книга В. Ластовского «приобретает уже характер не истории белорусской книги, а истории просвещения в Беларуси вместе с перечислением белорусских рукописных и печатных памятников» [15:169].

Хотя С. Некрашевич в своей рецензии указал на ряд существенных недостатков работы «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі», «однако все они не мешают видеть в этой книге плод капитальной работы автора» [15:171]. Следует отметить, что обстоятельная рецензия, написанная С. Некрашевичем, свидетельствует о том, что он профессионально разбирается в предмете исследования.

Белорусский языковед **Степан Михайлович Некрашевич** родился 26 апреля (8 мая) 1883 г. в деревне Даниловка Бобруйского уезда (сейчас Светлогорский район Гомельской области), окончил в 1903 г. Паневежскую учительскую семинарию, в 1913 г. – Виленский

учительский институт, с 1918 г. заведовал белорусской секцией при губернском отделе народного просвещения Одессы, в 1920–1925 гг. был заведующим литературно-издательским отделом Наркомпроса БССР.

В 1921 г. С. Некрашевич стал председателем научно-терминологической комиссии. За сравнительно короткое время комиссией было разработано около трех тысяч терминов в области грамматики, литературы, логики, арифметики, алгебры, ботаники, геометрии [16:3–4].

20 марта 1922 г. на базе научно-терминологической комиссии был создан Институт белорусской культуры (Инбелкульт) – первое многоотраслевое научно-исследовательское учреждение республики. С. Некрашевич принимал активное участие в организации Инбелкульта, в 1922 г. стал его первым председателем, а с 1926 г. – председателем отдела гуманитарных наук Инбелкульта.

С. Некрашевич разработал теоретические основы и принципы создания диалектологических словарей белорусского языка. Он возглавлял языковую комиссию Инбелкульта. Уже к началу ее деятельности С. Некрашевич и М. Байков подготовили первые в Беларуси достаточно полные и научно разработанные словари: «Беларуска-расійскі слоўнік» (1926), который дает перевод на русский язык более 30 тыс. белорусских слов, и «Расійска-беларускі слоўнік» (1928), включающий 60 тыс. слов. Несмотря на определенные недостатки с точки зрения современного состояния лексических норм белорусского литературного языка, переводные словари С. Некрашевича и М. Байкова «явились важным этапом в истории национальной лексикографии» и «оставались наиболее обстоятельными работами этого типа» [17:37].

В 1925 г. языковая комиссия была реорганизована в комиссию по созданию словаря живого белорусского языка во главе с председателем С. Некрашевичем и секретарем М. Байковым. По словам С. Некрашевича, «вместе с государственной жизнью Беларуси и расширением ее культуры встал неотложный вопрос разработки фундаментального словаря живого белорусского языка» [18:164–165]. Комиссия поставила цель: подготовить по возможности полный академического типа словарь живого белорусского языка размером примерно в 160 печатных листов. Комиссия установила связь с профильной комиссией по созданию полного словаря живого украинского языка при Украинской академии наук, куда в марте 1925 г. выехал М. Байков [16:5].

В начале 1925 г. Наркомпрос БССР командировал С. Некрашевича для повышения лингвистической квалификации в научно-исследовательский институт языка и литературы при Ленинградском университете, где он до июля 1926 г. в качестве научного сотрудника занимался белорусским языком под руководством академика Е. Карского. В Ленинграде С. Некрашевич организовал работу по выписке карточек из белорусских рукописных материалов, которые хранились в ленинградских научных учреждениях [16:5]. Проект словаря был подготовлен, но работа вскоре остановилась в неблагоприятных политико-идеологических условиях 1930-х годов, а собранные тогда материалы безвозвратно погибли во время фашистской оккупации Беларуси [16:6].

С. Некрашевич придавал большое значение проблемам истории белорусского языка и изучению отдельных памятников старобелорусской письменности. В 1928 г. появилась его большая статья «Мова кнігі Касьяна Рымляніна Ераміты: «О уставах монастических», где подробно описаны особенности рукописного памятника, который хранился в Белорусском государственном музее в Минске, с точки зрения графики, фонетики, морфологии и синтаксиса [19]. В настоящее время этот памятник неизвестен исследователям, вероятно, его вывезли во время фашистской оккупации [16:10].

Долгое время С. Некрашевич работал над исследованием «Васіль Цяпінскі. Яго прадмова, пераклад евангелія на беларускую мову і мова перакладу». О некоторых его результатах автор говорил еще на Академической конференции по реформе белорусского правописания. Но исследование не увидело свет, и рукопись его, вероятно, погибла, во время Великой

Отечественной войны [17:40].

После реорганизации Инбелкульта в Белорусскую академию наук С. Некрашевич в 1928 г. был избран действительным членом и вице-президентом Академии, одновременно с 1929 г. был директором Института языкознания АН БССР.

21 июля 1930 г. С. Некрашевич был арестован по делу «Союза освобождения Беларуси» и по постановлению Коллегии ОГПУ БССР от 10 апреля 1931 г. выслан в Г. Сарапул (Удмуртия) сроком на пять лет, повторно арестован и 19 декабря 1937 г. осужден к исключительной мере наказания. Расстрелян 20 декабря 1937 г. в Минске. Реабилитирован по обоим обвинениям. Восстановлен в звании академика в 1978 г. На долгое время ученый оказался забытым в белорусском языкознании, его работами никто не пользовался. В 1967 г. сотрудниками Института языкознания и академической библиотеки имени Якуба Коласа был издан библиографический указатель «Беларускае мовазнаўства», где в соответствующих разделах перечислены важнейшие работы по языкознанию реабилитированного ученого [16:11].

Известный белорусский историк, педагог, общественный и политический деятель **Василий Макарович Игнатовский** родился 19 апреля 1881 г. в деревне Токари Брестского уезда Гродненской губернии (сейчас Каменецкий район Брестской области), учился в духовных учебных заведениях Вильно и Могилева, в 1902 г. поступил в Санкт-Петербургский историко-филологический институт, но был исключен за участие в студенческих волнениях. После окончания в 1911 г. Юрьевского (Тартуского) университета был преподавателем в гимназии Вильно, в Минском учительском институте. В декабре 1920 г. В. Игнатовский был назначен на должность наркома просвещения БССР и занимался проблемами создания национальной школы.

В январе 1925 г. В. Игнатовский был избран председателем Института белорусской культуры. Положительно оценивая создание Белорусской академии наук, В. Игнатовский писал: «Создание БАН означает переход белорусской культуры в высший класс. Необходима максимальная концентрация всех сил вокруг нее, необходимо максимальное внимание масс к ней, необходимо максимальное содействие ей со стороны Партии, Советской власти, организованной рабоче-крестьянской общественности. Тогда она станет действительным центром новой культурной эпохи» [20:17]. С преобразованием Инбелкульта в Белорусскую академию наук В. Игнатовский в 1928 г. был избран академиком и стал первым президентом Академии наук и одновременно директором Института истории.

В. Игнатовским написано более 40 научных работ, посвященных истории Беларуси, в том числе «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», выдержавший пять изданий, книги «Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя» (три издания), «Белоруссия» (четыре издания), «1863 год на Беларусі», первое в белорусской историографии крупное исследование по истории восстания.

В 1917–1918 гг. ученый читал лекции студентам Минского учительского института, который был в то время эвакуирован в Ярославль, по разработанному им курсу «Кароткі нарыс нацыянальнага і культурнага адраджэння Беларусі», который в 1921 г. был опубликован в журнале «Вольны сцяг».

В 1919 г. вышел «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі», который является одним из первых обобщающих трудов по истории Беларуси. Сведения о культуре и языке белорусского народа, роли книги в просвещении приводятся в разделах «Христианство и просвещение» (освещается деятельность Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Евфросиньи Полоцкой), «Братства в Беларуси».

В разделе «Культурная работа» В. Игнатовский рассматривает развитие книгопечатания в Беларуси, деятельность Франциска Скорины, Симона Будного, Василя Тяпинского и других типографий. В. Игнатовский, в частности, пишет: «О высокой культуре Литовского-Белорусского государства свидетельствует значительное развитие белорусской печати» [21:69; 22:63; 23:88; 24:67]. «В обществе существует огромная потребность в белорусской книге. Что-

бы удовлетворить эту книжную потребность, существует много типографий. Типографии раскинулись по всей Беларуси, в больших и малых городах. Мы можем назвать типографии в таких местах, как Вильня, Полоцк, Минск, Могилев, Несвиж, Любча, Заславль, Слуцк, Пинск, Заблудово, Супрасль, Евье и т.д. Книжное дело идет быстрым шагом» [21:71; 22:65; 23:91; 24:69]. При этом ученый отмечает, что «белорусское печатное дело» связано с именем первого белорусского печатника Ф.Скорины. Как указывает В.И.Пичета, в книге В. Игнатовского «характеристика личности Скорины сделана ярко и выразительно» [6:315].

В монографии «Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя» В. Игнатовский рассматривает роль печати в общественно-политическом движении, расширение издательского дела под влиянием культурно-национального движения, в частности, такие издания, как газеты «Гоман», «Минский листок», «Наша доля», «Наша ніва», книги белорусских писателей, вышедшие в издательстве «Загляне сонца і ў наша ваконца» в Петербурге, и др. [25].

В январе 1931 г. В. Игнатовского по обвинению в национал-оппортунизме исключили из рядов партии, сняли с должности президента Академии наук и фактически отстранили от работы в академии. Он не видел возможности в создавшихся условиях доказать абсурдность предъявляемых обвинений и 4 февраля покончил жизнь самоубийством.

Академики первого состава Белорусской академии наук, известные ученые: историки В. Пичета, В. Ластовский, В. Игнатовский, языковед С. Некрашевич – внесли значительный вклад в изучение памятников книжной культуры Беларуси. Вполне вероятно, что проблемы книгопечатания получили бы освещение и в последующих работах исследователей, если бы их судьбы не сложились столь трагично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. – 1928. – № 32. – С. 940–941.
2. Национальная академия наук Беларуси, 1928–2008: документы и материалы. – Минск: Бел. наука, 2008. – 767 с.
3. Соколовский Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // Вопросы истории. – 1999. – № 9. – С. 136–142.
4. Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма: к столетию академика В.И.Пичеты. – М., 1978. – С. 5–25.
5. Савецкая Беларусь. – 1927. – 12 крас.
6. Пічэта У. І. Scorińska (1776–1926) // Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925 / Інстытут беларускай культуры. – Менск, 1926. – С. 284–327.
7. Пічэта У. Беларускае Адраджэньне ў XVI стагоддзі // Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925 / Інстытут беларускай культуры. – Менск, 1926. – С.132–156.
8. Пічэта У. Друк на Беларусі ў XVI і XVII стагоддзях // Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925 / Інстытут беларускай культуры. – Менск, 1926. – С. 228–261.
9. Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). – М.: изд-во Акад. наук. СССР, 1961. – 816 с.
10. Сільнова Л. Д. Прыватная калекцыя У.І.Пічэты ў кніжных фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання: матэрыялы да Міжнароднага навукова-практ. канф., прысвеч. 120-годдзю з дня нараджэння У.І.Пічэты. – Мінск, 1998. – С. 116–118.
11. Грыцкевіч А. П. Гісторык Вацлаў Ластоўскі // Сыны і пасынкі Беларусі. – Мінск, 1996. – с. 229–250.
12. Платонаў Р. Лёсы: гіст.-дак. нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця

ця ў Беларусі 20–30-х гадоў. – Мінск, 1998. – 327 с.

13. Ластоўскі В. Доктар Франціш Скарына (1525–1925) // Крывіч. – 1924. – № 2. – С. 3–13.

14. Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя. – Коўна: друк. Сакалоўскага, 1926. – 776 с.

15. Некрашэвіч С. [Рэц. на кн.: В. Ластоўскі Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна. 1926] // Асьвета. – 1926. – № 5. – С. 167–171.

16. Жураўскі А. І. Сцяпан Міхайлавіч Некрашэвіч: да 120-годдзя з дня нараджэння // Беларуская лінгвістыка. – 2004. – Вып. 54. – С. 3–11.

17. Германовіч І. К. Аб навуковай дзейнасці Сцяпана Міхайлавіча Некрашэвіча // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Сер. 4. – 1972. – № 3. – С. 34–40.

18. Некрашэвіч С. Да пытання аб укладаньні слоўніка жывой беларускай мовы: даклад, чытаны на сходзе мовазнаўчай сэкцыі Інбелкульту 8 ліпеня 1925 г. // Польша. – 1925. – № 5. – с. 164–186.

19. Некрашэвіч С. Мова кнігі Касьяна Рымляніна Ераміты: «О уставах монастических» // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук / Інстытут беларускай культуры. – Менск, 1928. – Кн. 2, т. 1: Працы клясы філалёгіі. – С. 86–114.

20. Ігнатоўскі У. Ад Беларускай Тэрмінолёгічнай Камісіі да Беларускай Акадэміі Навук // Наш край. – 1928. – № 12. – С. 6–17.

21. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі: лекцыі, чытаныя настаўнікам пачатковых школ Меншчыны. – Менск: друк. Я. Грынבלата, 1919. – 127 с.

22. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – 2-е выд. – Вільня: выд-ва У. Знамяроўскага, 1921. – 112 с.

23. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – 4-е выд., перароб. – Менск: дзярж. выд-ва Беларусі, 1925. – 176 с.

24. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. – 4-е выд., папр. – Вільня: выд-ва У. Знамяроўскага, 1927. – 116 с.

25. Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX сталяцця: лекцыі, чытаныя студэнтам Беларус. дзярж. ун-ту. – 3-е выд., стэрэатып. – Менск: Бел. дзярж. выд-ва, 1928. – 252 с.